

«Лествица» преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н.В. Гоголя

© В.А. ВОРОПАЕВ,
доктор филологических наук

В статье раскрывается значение одной из главных книг в монашеской аскетике — «Лестницы» преподобного Иоанна Синайского — в судьбе Н.В. Гоголя, который и в жизни, и в творчестве шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетике — восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мировоззрение, святоотеческое наследие, «Лествица» преподобного Иоанна Синайского, православная аскетика, воцерковление творчества.

DOI: 10.31857/S013161170003014-4

The article covers the meaning of one of the primordial books in the monkish ascetics, i. e. «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, in a life of Nikolay Gogol, who both in his life and works made the hardest and most difficult way, which was the way of the ecclesiastical ascetics, i. e. the restoration of his own Divine Image and churching of his writings.

Keywords: Gogol, religious outlook, patristic legacy, «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, Orthodox ascetics, churching of oeuvre.

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили значительное количество выписок религиозного содержания. Граф А.П. Толстой, в доме которого жил последние годы Гоголь, писал своей сестре Софье Петровне Апраксиной о «множестве тетрадей копий и выдержек из переводов св<ятых> отцов» (Из писем графа А.П. Толстого) [1. Т. 3. С. 724]; особо отметил их С.П. Шевырев,

разбиравший рукописи Гоголя, найденные после его кончины (Список бумаг, оставшихся после покойного Н.В. Гоголя) [Там же. Т. 2. С. 123].

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя.

В свое время профессор Г.П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя, открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Большая часть этих выписок сделана Гоголем в середине 1840-х годов. Можно думать, однако, что уже в школьные годы он ознакомился с «Лестницей» преподобного Иоанна Синайского, одной из основных книг в монашеской аскетике. Образ лестницы, соединяющей землю с небом, — один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже в одном из самых ранних его произведений — в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829).

«Ни один дуб у нас не достанет до неба, — сожалеет красавица Ганна. — А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. — Нет, Галю, отвечает ей казак Левко, — у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее ставят перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [2. Т. 1. С. 129].

Образ лестницы есть также в «Сорочинской ярмарке» (1829), «Главе из исторического романа» (1830), «Страшной мести» (опубл. 1832). О предстоящей борьбе со «страстями» и восхождении «по скользким ступеням» лестницы Гоголь упоминает в письме к матери от 24 июля 1829 года [Т. 10. С. 110].

Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое Воскресенье» — последнем напечатанном при жизни произведении Гоголя. Говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века», Гоголь восклицает: «Бог весть, может быть, за

одно это желание уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуть рука, помогающая взлететь по ней» [Т. 6. С. 202].

Как глубоко жил этот духовный образ в сознании писателя, можно видеть, например, по его предсмертным словам: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» [3. С. 27]. Последние часы жизни умирающего Гоголя описаны доктором А.Т. Тарасенковым: «Позже вечером (20 февраля. — В. В.) он, по-видимому, стал забываться и терять память. <...> Еще позже он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во сне, или повторял несколько раз: “давай, давай! ну что ж?” Часу в одиннадцатом он закричал громко: “Лестницу, поскорее, давай лестницу!..” Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели и посадили на кресло» [Там же].

М.П. Погодин в некрологе Гоголю приводит другие слова: «В среду (20 февраля. — В. В.) обнаружились явные признаки жестокой нервической горячки. Употреблены были все средства, коих он, кажется, уже не чувствовал, изредка бредил, восклицая: “поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте!”» [4. С. 48]. После прочтения этих строк в «Москвитянине» Мария Ивановна Гоголь писала Погодину 14 мая 1852 года из Васильевки: «Слезы мешали мне читать написанное Вами о моем ангеле. Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице, которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по душам не дающее доходу <...> И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею» (Гоголь в воспоминаниях и письмах матери) [1. Т. 1. С. 132].

Преимущество, однако, здесь следует отдать свидетельству Тарасенкова. Погодин говорил с чужих слов. Его не было в этот момент рядом с Гоголем. «В роковую неделю меня не было в Москве, — пишет он, — как будто в наказание, что я в последнее время позволял себе питать разные подозрения на счет его, и не верил вполне его искренности» [4. С. 50]. Тарасенков же сам пережил эти тяжкие минуты и, конечно, старался запомнить все подробности последних часов жизни Гоголя. Он пишет в своих воспоминаниях, что «главные их основания записаны в самый день его (Гоголя. — В.В.) смерти» [3. С. 5]. При этом мемуарист, хотя и не явно, но соотносит предсмертные слова Гоголя с книгой преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его» [Там же. С. 13].

Правда, из контекста и общего духа записок Тарасенкова можно заключить, что Гоголь ознакомился с «Лествицей» незадолго до смерти: «Взяв себе в образец и наставление сочинение Иоанна Лествичника, которое ему так нравилось своими строгими правилами, он старался достигать высших ступеней, в нем описанных, и принялся за лишения» [Там же. С. 31]. Разумеется, подобное заключение будет неверным. «Лествица»

была одной из любимых книг Гоголя с юности. Христианский образ лестницы как символ духовного возрастания постоянно встречается в его письмах: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях» (В.А. Жуковскому 26 июня (н. ст.) 1842 года) [Т. 12. С. 55]; «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница» (Н.Н. Шереметевой около 20 марта (н. ст.) 1843 года) [Там же. С. 201].

Исследователи не раз отмечали сходство предсмертных слов Гоголя о лестнице с тем, что сказал незадолго до своей блаженной кончины святитель Тихон Задонский [См.: 5, 6, 7, 8. С. 59], сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно. На память также приходят предсмертные слова А.С. Пушкина, обращенные к В.И. Далю: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» [9].

В православной святоотеческой литературе «лествица» — один из основных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к видению патриарха Иакова: *И сон виде: и се, лествица утверждена на земли, еяже глава досязаша до небесе, и Ангелы Божия восхождаху и нисхождаху по ней* (Быт. 28: 12) (русский перевод: *И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и Ангелы Божия восходят и нисходят по ней*). В Священном Писании этот образ встречается также в Евангелии, где Господь Иисус Христос отождествляет Себя с Богом в этом видении: *И глагола ему: аминь, аминь глаголю вам, отселе узрите небо отверсто и Ангелы Божия восходящия и нисходящия над Сына Человеческого* (Ин. 1: 51) (русский перевод: *И говорит ему в ответ: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому*).

Этот фрагмент входит в паремии (избранные места из Священного Писания), читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице — «Радуйся, лестнице небесная, Еюже сниде Бог (на иконе Богородицы Неопалимая Купина среди других символических изображений есть и *лествица*, образ сошествия Господа на землю через плоть Богородицы как по некой лестнице); радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо»; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя, — «Радуйся, лестнице, Богом утвержденная, еюже восходим к небеси...» Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из церковных песней и канонов служебных Миней.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки. Есть все основания полагать, что уже в конце 1820-х годов он составил рукописный сборник «Из книги: Лествица, возводящая на небо». Этот гоголевский автограф довольно значительного объема (на девяносто двух страницах, в восьмую долю листа) и написанный каллиграфическим почерком до 1938 года находился в

Харьковском Историческом музее (бывшем Музее Слободской Украины имени Г.С. Сковороды); дальнейшая его судьба неизвестна [См.: 2. Т. 6. С. 297–299; 663–668; Т. 9. С. 808; 1. Т. 3. С. 364–365, 927; 10].

Дошедший до нас автограф Гоголя, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и датируемый приблизительно 1843 годом, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 году с названием «Лествица, возводящая на небо» (возможно, что Гоголь пользовался и другим изданием этого перевода). Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х годов. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А.П. Толстого) Т.И. Филиппов, который писал К.Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. — В. В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» [11].

Влияние «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского можно предположить в разных произведениях Гоголя [См.: 8, 12, 13], но в «Выбранных местах...» оно ощущается с очевидностью. Построенная как назидательный труд для современников, нечто вроде аскетического трактата для светских людей, книга Гоголя имеет подобную «Лествице» композицию и духовную направленность: восхождение человека от самого низкого, заземленного состояния — физической или душевной смерти (последняя определяется погруженностью в многообразные страсти) — через победу над страстями и умерщвление в себе «ветхого человека» — к конечной цели — стяжанию духа святого и воскресению (одна из последних глав «Лествицы» — «О земном небе, или о богоподражательном бесстрастии и совершенстве, и воскресении души прежде общего воскресения»).

«Лествица» охватывает всю жизнь христианина. Она является важнейшей духовной книгой для монашествующих и мирян. Поэтому Святая Церковь благословила читать поучения из нее в дни Великого поста. Преподобный Макарий Оптинский установил чтение «Лествицы» в Иоанно-Предтеченском скиту во время великопостного богослужения (преимущественно в первую и Страстную седмицы) с тем, чтобы вся книга была прочитана в течение Великого поста [См.: 14. С. 126].

Традиция переписывания «Лествицы» сохранялась в православном монашестве вплоть до XIX века. Так, преподобный Моисей Оптинский переписал ее в 1810 году в бытность рясофорным монахом Тимофеем (Путиловым) в Свенском монастыре. В архиве Оптиной Пустыни сохранился

также рукописный перевод «Лествицы» на русский язык, сделанный святителем Игнатием (Брянчаниновым) в 1845 году [См.: 15. С. 229, 231].

Существует предание (сразу отметим — недостоверное), что именно в Оптиной Гоголь впервые прочел «Лествицу». Вот как рассказывается об этом в жизнеописании преподобного Макария: «В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожилы, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея, прожил в монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца (Макария. — *В. В.*) и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором проживал Гоголь. <...> Во время пребывания этого почтенного гостя в Оптиной Пустыни предложено было ему, между прочим, конечно, с благословения старца Макария, прочитать книгу святого Иоанна Лествичника. Прочитав, Гоголь высказался о ней так: “Какая глубокая психология!” <...> После того Гоголь еще два раза приезжал в Оптину к батюшке Макарию и во время своего пребывания в монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту» [14. С. 342–343].

На это «свидетельство» схиархимандрита Агапита (Беловидова), автора жизнеописания старца Макария, ссылаются современные исследователи [См.: 15. С. 232, 16]. Между тем, во время первого посещения Гоголем Оптиной 17–19 июня 1850 года (он провел в обители не три недели, а три дня) преподобного Макария не было в монастыре [См.: 17]. Этим обстоятельством объясняются, кстати сказать, слова старца в письме к иеромонаху Антонию (Бочкову) от 2 октября 1851 года, что «Николай Василь<евич> Гоголь два раза был в обители» [18].

Знакомство Гоголя с преподобным Макарием состоялось во время второго пребывания писателя в монастыре (2–3 июня 1851 года). С этого времени между ними завязывается переписка. Достоверно известно, что в Оптиной Пустыни (во второй или третий свой приезд) Гоголь прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А.П. Толстому, а после его смерти переданный оптинскому иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. — *В. В.*), это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах» (выражение святого апостола Павла (Еф. 4: 29). — *В. В.*), здесь

написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [Т. 6. С. 258].

И в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетики — восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний. И он остался одиноким подвижником в литературе, почти никем не понятым.

Литература

1. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2011–2013.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем. В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М. — Киев, 2009–2010.
3. *Тарасенков А.Т.* Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М., 1902.
4. *Погодин М.П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. М., 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.
5. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. В 4 т. М., 1898. Т. 4. С. 682.
6. *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт (Исследование) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Сост. Е.Я. Данилова. М., 1991. С. 306.
7. *Паламарчук П.Г.* «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П.Г. Козацкие могилы: повести, сказания, художественные исследования. М., 1990. С. 383.
8. *Де Лотто Ч.* Лестница «Шинели» / Предисл. к публ. И. Золотусского // Вопросы философии. М., 1993. № 8. С. 58–83.
9. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. / Вступ. статья В.Э. Вацура; сост. и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М., 1985. Т. 2. С. 405.
10. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание. В 7 т. 1405–1808; 1809–1828. М., 2017. Т. 1. С. 693–694.
11. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 492–493.

12. Коздринь Я.Р. Символ лестницы в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя // Вопросы фольклора и литературы: сб. статей. Омск, 2009. С. 73—77.
13. Сквиря Н.М. «Правила» духовного возрождения в «Лестнице» Иоанна Синайского и втором томе «Мертвых душ» Николая Гоголя // Література та культура Полісся: зб. наукових праць. Сер. Філологічні науки. № 2. Ніжин, 2014. Вип. 75. С. 97—103.
14. Схиархимандрит Агапит (Беловидов). Житие Оптинского старца Макария. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2017.
15. Каширина В.В. «Лестница» в издании Оптиной Пустыни // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. М., 2017. Вып. 1. С. 225—234.
16. Гуминский В.М. Гоголь и «Лестница» прп. Иоанна Синайского // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции. М.—Новосибирск, 2015. С. 58.
17. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич). М., 2008. Т. 1. С. 183, 185.
18. Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам: [В 2 т.] / Сост. и вступ. статьи к текстам писем С.О. Захарченко; коммент. С.О. Захарченко, Т.В. Паниюковой. Чехово, 2014. Т. 1. С. 94.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Работа выполнена при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).
Проект № 17-04-00440